

К. Крумбахеръ
проф. Мюнхенскаго Университета.

Византійскіе историки

и

хронисты.

§ 1. Введение. Ни одинъ народъ, за исключеніемъ, быть можетъ, китайцевъ, не обладаетъ такой богатой исторической литературой, какъ греки. Цѣль историческаго преданія идетъ непрерывно отъ Геродота до Лаоника Халкондилы. Греки и византійцы добросовѣстно продолжали болѣе двухъ тысячелѣтій лѣтопись Востока. Несмотря на всѣ колебанія, которыя зависѣли отъ восприимчивости и силъ отдѣльныхъ эпохъ, отъ измѣнчивости матеріала и индивидуальныхъ способностей, историческая литература у грековъ стояла всегда, вплоть до уничтоженія ихъ національной самостоятельности османами, на значительной высотѣ.

Въ византійскую эпоху историческія повѣствованія распадаются на двѣ сильно различающіяся группы: на исторіи въ античномъ смыслѣ и на хроники. Различіе обоихъ родовъ простирается на матеріалъ и на форму и, тѣмъ самымъ, на ту публику, на которую они рассчитаны. Авторы исторій—мы будемъ называть ихъ просто историками—занимаются небольшимъ періодомъ византійской исторіи, болѣею частью ими лично пережитымъ или близко предшествовавшимъ ихъ времени; итакъ, они пишутъ современную исторію; иногда они ставятъ для своей темы и территоріальныя границы. Въ своихъ техническихъ приемахъ и языкѣ историки слѣдуютъ старымъ образцамъ (Геродоту, Фукидиду, Поливию) или тѣмъ византійцамъ, которые имъ подражали. Поэтому ихъ рѣчь, хотя въ ней и замѣчаются значительныя отличія въ зависимости отъ эпохи и личныхъ вкусовъ, въ принципѣ стремится къ сохраненію старинныхъ формъ и чистотѣ, къ атическому или, по крайней мѣрѣ, эллинскому совершенству. Публикой, для которой они пишутъ, является избранный образованный кругъ двора, высшаго духовенства и чиновничества, кругъ то болѣе, то менѣе, соотвѣтственно общему состоянію византійской культуры.

Рядомъ съ историками стоятъ хронисты, которые хотя и не принадлежатъ исключительно византійской эпохѣ, однако, лишь въ это время достигаютъ большого литературнаго значенія. Предметомъ ихъ изложенія является всемірная исторія, которую они ведутъ отъ сотворенія міра до эпохи, современной имъ или близко предшествовавшей; съ большой охотой они кончаютъ вступленіемъ на престолъ правящаго въ ихъ время императора. Они обрабатываютъ свою большую тему не въ смыслѣ прагматическаго изображенія выдающихся дѣяній, событій и лицъ и выясненія

внутренней связи въ исторіи развитія человѣчества; ихъ намѣренія гораздо популярнѣе и обиденнѣе: они направлены на наивное перечисленіе возможно большаго числа историческихъ подробностей, которыя для обычнаго разумѣнія могли казаться достойными вниманія. Большое значеніе придается точному описанію тѣлесныхъ и духовныхъ свойствъ выдающихся личностей—особенность, источникъ которой надо искать частью въ сочиненіяхъ, подобныхъ «Imagines» Варрона, частью въ греческомъ романѣ и въ поддѣлкахъ подъ древность какъ «Даресъ» и «Сизифъ». Иногда популярныя хроники были дѣйствительно иллюстрированы, какъ показываютъ, напр., такъ наз. «Excerpta Barbarae» и одинъ списокъ хроники Зонары (Mutin. III D. 3 XIV вѣка). Описанія императоровъ опираются, быть можетъ, прямо на хронику съ рисунками точно такъ же, какъ Гамза Испанскій заимствовалъ свои подробныя описанія костюмовъ великихъ Сасанидскихъ царей изъ „Книги изображеній“¹⁾. Съ особымъ вниманіемъ описываются вздорожаніе цѣвъ, эпидемія, кометы и разныя знаменія, землетрясенія, постройки и бѣга. Руководящей точкой зрѣнія служатъ церковныя интересы; вслѣдствіе этого примѣняется библейская хронологическая канва, и рассказы древнихъ мифовъ служатъ цѣлямъ христіанской апологетики. Лишь изрѣдка можно замѣтить у хронистовъ дѣйствительно критическое изслѣдованіе или хотя бы поверхностную оцѣнку источниковъ: ихъ работа остается, по большей части, чисто компиляторской. Чисто внѣшнему и ограниченному пониманію историческаго матеріала соответствуетъ и форма. Для хронистовъ безразлично красивое построеніе періодовъ какого-нибудь Фукидида; они пишутъ общепонятнымъ языкомъ, который можетъ быть опредѣленъ, какъ обработанный разговорный языкъ. Но, такъ какъ всѣ болѣе образованные писатели, а также государство и церковь продолжали смотрѣть на традиціонный искусственный языкъ, какъ на единственно возможный, то слабымъ и разрозненнымъ силамъ хронистовъ не удалось облагородить синтаксически и фразеологи-

¹⁾ Ср. *Gelzer* въ *Berl. phil. Wochenschrift*, 1891, № 28, стр. 872.—Насколько эти краткія описанія лицъ соответствовали народнымъ вкусамъ, видно изъ того, что они проникли и въ апокрифы: ср. *R. A. Lipsius*, *Die apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden*, II, 2 (1884) 229, 335 и др. Исторія развитія этой особенности заслуживаетъ широкаго изслѣдованія, причемъ надо было бы обратить вниманіе и на исторію искусства (напр. аеонское руководство живописи) составленное Діонисіемъ Фурноаграфіотомъ въ XVII вѣкѣ и изд. *А. И. Пападопуло-Керамессомъ*: *Ἐπισημεία τῆς ζωγραφικῆς τέχνης*. СПб. 1909). Попытки собрать изображенія византійскихъ императоровъ дѣлались уже старыми учеными, какъ напр.: *Imperatorum Romanorum omnium orientaliū et occidentaliū verissimae imagines ex antiquis numismatis quam fidelissime delineatae. Addita cujusque vitae descriptio ex thesauro Jacobi Stradae e perbreui elogio uniuscujusque carmine, quod quasi epitome est historiae ad juvandam memoriam. Tiguri ex officina Andreae Gesneri. Anno 1559. f.* Недавно появилось изданіе: *Empereurs byzantins. Catalogue illustré de la collection de portraits des empereurs de Byzance d'après les statues, les miniatures, les ivoires et les autres oeuvres d'art, rédigé par Spyr. R. Lambros*. Athènes-Rome. Exposition nationale de Rome en 1911. Section hellénique. 4+51. 8°. (*В. Б.*).

чески народную рѣчь: она осталась въ ихъ рукахъ довольно неповоротливымъ и грубымъ орудіемъ. Уже выборъ способа изложенія столь рѣшительно презираемаго литературными вождями показываетъ, что хронисты обращаются не къ тому же самому кругу читателей, что историки, но къ широкой народной массѣ, и, прежде всего, къ тысячамъ монастырскихъ обитателей, мало образованныхъ, но жаждущихъ благочестиваго поученія о ходѣ міровыхъ событій¹⁾.

Какъ исторіи высшаго стиля, такъ и народныя хроники много разъ переводились на современный языкъ въ позднѣйшемъ средневѣковѣ, когда, вслѣдствіе постоянно прогрессирующихъ измѣненій живого языка, даже простое изложеніе хронистовъ переставало быть понятнымъ для широкихъ круговъ; часто дѣло не ограничивалось простымъ переводомъ, но изъ нѣсколькихъ болѣе старыхъ произведеній составлялось новое. При этомъ дѣлались популярнѣе не только формы и слова, но и весь тонъ рассказа, и даже содержаніе перерабатывалось ближе къ народному вкусу посредствомъ введенія сказочныхъ чертъ. Авторы переработокъ скрываются почти всѣ безъ исключенія въ потемкахъ анонимности; предположеніе, что историкъ самъ приготовлялъ популярное изданіе своего сочиненія²⁾, ничѣмъ не подтверждается и совершенно неправдоподобно. Число такихъ обработокъ значительно; но ихъ только недавно правильно оцѣнили, и только немного экземпляровъ извѣстны болѣе точно. Въ этой народной исторической литературѣ, которая яено иллюстрируетъ дуализмъ средневѣковаго греческаго языка, мы встрѣчаемъ изъ древнихъ авторовъ Іосифа Флавія, изъ византійцевъ Теофана, Георгія Монаха, Кедрина, Зонару, Манассію, Анну Комнину, Никиту Акомината и др. Свой характеръ народной книги нѣкоторыя изъ этихъ произведеній обнаруживаютъ уже форматомъ рукописи: напр., венеціанская рукопись (*Cod. Marc. VII 20*), содержащая простонародную хронику, родственную Манассію, имѣетъ форматъ малой четверки, который мы замѣчаемъ въ большинствѣ списковъ простонародныхъ романовъ, а также въ венеціанскихъ печатныхъ изданіяхъ ихъ. Было бы желательно обобщающее изслѣдованіе всей этой литературной группы, необыкновенно важной для исторіи образованности и языка греческаго народа въ средніе вѣка.

Конечно, указанными двумя группами не исчерпана вся масса сочиненій византійской эпохи, относящихся къ исторіи. Къ историкамъ и хронистамъ надо добавить прежде всего житія святыхъ—изъ нихъ нѣкоторыя являются первостепенными источниками для исторіи, географіи и топографіи,—затѣмъ біографіи вообще, монографическія описанія важныхъ событій, акты основанія монастырей, рѣчи, письма и стихи, писанные по поводу

¹⁾ Хорошей иллюстраціей для различенія историковъ и хронистовъ въ византійской литературѣ являются замѣчанія Семпронія Азеллія о различіи между *annales* и *historia* у *Gellius* V, 18 (1317—320 *M. Hertz*).

²⁾ Сальмазий у *Fabricius*, *Bibl. gr. ed. Harl.* VII, 739.

какихъ-либо событій, наконецъ, необозримое количество государственныхъ, церковныхъ и частныхъ актовъ всякаго рода.

Собранія сочиненій историковъ и хронистовъ. А. Парижскій сводъ (*Corpus Paris.* = *CP*); послѣ того, какъ болѣе ранними изданіями отдѣльныхъ авторовъ была подготовлена почва, онъ былъ обработанъ по порученію короля Людовика XIV подъ руководствомъ іезуита *Philippus Labbaeus* или *Labbeus*. Вслѣдствіе сотрудничества выдающихся филологовъ XVII в., какъ *Fabrot, Goar, Du Cange, Leo Allatius, Maltrait, Combefis, Banduri* и др., это собраніе вышло поразительнымъ для своего времени трудомъ, еще до сихъ поръ незамѣненнымъ. Начатое въ 1648 г., изданіе вышло въ 42 томахъ черезъ неравные промежутки до 1711 г. и еще въ 1819 г. получило запоздалое дополненіе въ Львѣ Діаконѣ, изд. *B. Hase*.

В. Венеціанская перепечатка (*Corpus Venet.* = *CV*). Ставший скоро рѣдкостью *CP* былъ перепечатанъ въ Венеціи въ 1729—1733 гг. съ необычною поспѣшностью, безъ исправленій, но зато съ обильной прибавкой опечатокъ и въ плохомъ видѣ. Вновь были добавлены Малала, Генесій и нѣсколько мелкихъ отрывковъ.

С. Боннскій сводъ (*Corpus Bonn.* = *CB*), предпринятый по инициативѣ *G. Hübnera*, позднѣе продолженный берлинской академіей, вышелъ въ 49 томахъ въ Боннѣ въ 1828—1878 гг.; въ 1897 г. вышелъ заключительный 50-й томъ: III томъ Зонары (изд. *Th. Büttner-Wobst*). Большія ожиданія, которыя были связаны съ этимъ предпріятіемъ, почти совсѣмъ не оправдались вслѣдствіе недостатка въ свѣдущемъ и энергичномъ руководствѣ и еще болѣе вслѣдствіе равнодушія и уклоненія отъ участія большинства сотрудниковъ (особенно *I. Bekker* и *W. Dindorf*). Если не считать впервые появившихся со времени выхода *CV* авторовъ, какъ Константинъ Порфирородный, Георгій Писидъ, Франзи и др., *CB*, за немногими исключеніями, является только плохо провѣренной перепечаткой *CP*. Какъ тексты мало были подвинуты впередъ, такъ и комментарія и указатели остались безъ переработки и въ старомъ видѣ. По большей части, удовлетворялись перепечаткой старыхъ примѣчаній *CP*, часто растянутыхъ и требующихъ исправленій; указатели частью были оставлены совсѣмъ безъ перемѣны, такъ что мѣста слѣдуетъ искать по числамъ, прибавленнымъ на поляхъ страницъ изъ *CP*, частью приспособлены къ новой пагинаціи—непослѣдовательность, обѣщающая каждому читателю много неприятныхъ минутъ. Такимъ образомъ *CB* совсѣмъ не сталъ дѣломъ «въ высшей степени важнымъ для филологій и исторіи и славнымъ для нѣмецкой націи», какъ это предполагалъ *Hübner*; впрочемъ, онъ самъ незадолго до своей смерти назвалъ все предпріятіе необдуманнымъ. Во Франціи еще ссылаются болѣею частью на *CP*, въ Германіи на *CB*; послѣдній рекомендуется изъ практическихъ соображеній, такъ какъ довольно рѣдкое парижское собраніе остается для нѣкоторыхъ недоступнымъ, и къ тому же въ немъ нѣтъ нѣсколькихъ авторовъ, помѣщенныхъ въ *CB*. Оцѣнка *CB* у *K. Hopf, Jahn's Jahrb. LXXV (1857), 769 сл.; G. L. F. Tafel, Komnenen und Normannen, стр. xx сл. Sitzungsber. Wien. Akad., phil.-hist. Cl. 1852, 31 сл. и Münchener Gelehrte Anzeigen, hist. Cl. 1854, II, 150 сл., 181 сл.; C. de Boor, Theophranes 2 (1885) 352 сл. Ср. также сообщеніе *Hübnera* о продолженіи *CB* въ Rhein. Mus. I (1883) 359.*

Д. Наконецъ, большая часть *CB* была переиздана съ комментаріями и указателями безъ критическихъ улучшеній, но и безъ слишкомъ большого количества опечатокъ въ *Patrologia graeca* (= *PG*) *Migne* (161 томъ Paris 1857—1866), отношеніе которой къ *CB* подобно отношенію *CV* къ *CP*. Изъ греческихъ текстовъ *CB* тутъ нѣтъ Іоанна Лидійца, Зосима, Прокопія, Теофилакта Симокатты, Георгія Синкелла, Михаила Атагаліата и отрывковъ «Турсогаесіа» Мартина Крузія. Предпринятая *Migne* перепечатка имѣетъ для византійскихъ работъ по крайней мѣрѣ значеніе пособія на случай нужды, такъ какъ въ нѣкоторыхъ, особенно богословскихъ, бібліотекахъ нѣтъ ни одного изъ трехъ вышеупомянутыхъ собраній, но есть вся Патрологія. Кто хочетъ специальнѣе заняться Византійей, тотъ всегда прибѣгнетъ къ *CP* и *CB*, поскольку нѣтъ совершенно новыхъ обработокъ, какъ напр., для Теофана и др.

Е. Въ заключеніе надо упомянуть еще, что издательство *V. G. Teubner* въ Лейпцигѣ стало включать и византійскихъ историковъ и хронистовъ въ критической обработкѣ въ свою всемірноизвѣстную *Bibliotheca Teubneriana* (= *BT*). До сихъ поръ появились Отрывки малыхъ историковъ, Агаѳіи, Теофилактъ, Никифоръ патріархъ, Зонара, Анна Комнина и др.

А. Историки.

§ 2. Общая характеристика. Византійскіе повѣствователи современныхъ имъ событій слѣдуютъ всѣ безъ исключенія древнегреческой традиціи. У историковъ VI и начала VII в., Прокопія, Агаѳіа, Менандра, Теофилакта—это въ достаточной мѣрѣ понятно само собой: они вѣдь принадлежатъ переходной эпохѣ отъ языческой древности къ христіанскому средневѣковью и непосредственно примыкаютъ къ предшествующей историографіи. Но и историки, которые вновь призываютъ исторію къ жизни послѣ рокового литературнаго пробѣла отъ середины VII до середины IX в., тотчасъ опять обращаются къ древнимъ образцамъ, а въ эпоху Комниновъ и Палеологовъ замѣчается даже значительное усиленіе любви къ древности. Историки VI и VII в. отличаются отъ историковъ XI—XV в. въ общемъ только тѣмъ, что внѣшнія средства ихъ изложенія стали въ гораздо болѣе степени искусственными, школьно заученными. Несмотря на всевозможныя искусственности и на всю ихъ подражательность, Прокопій, Агаѳіа, Менандръ, Евагрій и Теофилактъ все-таки до нѣкоторой степени остаются еще на почвѣ болѣе тонкаго обиходнаго языка своего времени; напротивъ, напри- мѣръ, Анна Комнина изучаетъ древнегреческій языкъ, какъ чужой, и въ томъ же положеніи оказываются всѣ историки XII и слѣдующихъ столѣтій: въ ихъ время живой языкъ отклонился отъ древнегреческаго морфологически, лексически и синтаксически такъ далеко, что обычнаго литературнаго языка не понимали безъ основательной подготовки. Это единственное дѣйствительно основное различіе отдѣляетъ позднегреческихъ историковъ отъ собственно византійскихъ. Но надо замѣтить, что это различіе не было преднамѣреннымъ и возникло не изъ индивидуальности писателей, но изъ совершившагося независимо отъ ихъ воли естественнаго преобразованія языка.

Во всемъ остальномъ историки, отъ Прокопія до Лаоника Халкондилы, представляютъ довольно однообразную картину. Различны темы, такъ какъ одинъ повѣствователь, по болѣею части, начинаетъ тамъ, гдѣ остановился его предшественникъ, различны, смотря по степени образованности эпохи и по личному настроенію и способностямъ, способъ изложенія, психологическая характеристика, основательность свѣдѣній, пре-